

АЛЕКСАНДР САНФИРОВ

ФАРМАЦЕВТ 2

Литрес

Александр Юрьевич Санфи́ров
Фармацевт 2
Серия «Фармацевт», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Продолжение истории о попаданце, желающем прожить неожиданно полученную вторую жизнь лучше, чем первую. Посмотрим, как это у него будет получаться.

Александр Санфиоров

Фармацевт 2

– Колеса стучат и гудят поезда,
А ты уезжаешь далеко.
Я боюсь, что больше уже никогда
Тебя не увижу, Аленка! –

Пел Валерка Лебедев, картинно закрыв глаза. Его черная гитара вторила песне звоном посеребренных струн.

Отзвенев прощальным аккордом, он завершил пение.

– Все девочки, на сегодня концерт закончен, – Валера с сожалением отложил гитару в сторону.

Девочки в стройотрядовской униформе недовольно зашумели. Но время было действительно позднее, и пассажиры нашего плацкартного вагона явно нуждались в отдыхе.

Когда две проводницы из соседнего вагона ушли к себе, наша проводница, Женя, миловидная брюнетка, наклонилась к Лебедеву и, слегка касаясь его грудью третьего размера, шепнула.

– Валера, я через полчаса освобожусь, приходи ко мне в служебку, у меня кофе растворимый есть.

Через двадцать минут, Валера, подмигнул мне и направился на randevu с проводницей. Дама лет тридцати пяти, сидевшая напротив меня за столиком, и до этого пытавшаяся

слегка кокетничать с гитаристом, презрительно фыркнула.

Ну, а что ей оставалось делать? Ехала она в Симферополь со шпионкой лет двенадцати, наверно, поэтому муж, вчера провожающий ее и дочку в санаторий, был вполне спокоен. От пронырливой девчонки, какой оказалась наша соседка, вряд удалось бы скрыть курортный роман. Так, что пусть себе фыркает.

Мне же ничего этой ночью, как и прошедшей, не светило, поэтому я улегся на нижнюю полку и постарался заснуть под монотонный стук колес.

Вообще-то мое место было наверху. Но в рундук у нас были убраны все вещи и гитара, поэтому, пока Валерка занят важным делом, мне приходится следить, чтобы наши вещи не стали чужими.

А началось это приключение несколько дней назад, когда я, совершенно случайно, встретил Лебедева по пути в билетные кассы.

– О. Витек! Здорово! – воскликнул Валера. – Сто лет тебя не видел! Куда попадаешь?

– Да, вот иду билет покупать на юга.

– Витька, ты чего? Какие билеты в августе? Хрен чего купишь. Или в сентябре хочешь туда мотануть?

– Почему в сентябре? – улыбнулся я. – Через пару дней поеду.

– Интересное кино, – почесал затылок Валерка. – А куда направляешься?

Я в нескольких словах объяснил, что собираюсь на Азовское море, где знакомая девушка обещала найти место в кемпинге.

— Гребнев, слушай, а мне место там не найдется? — спросил вдруг Лебедев, уточнив на всякий случай, что такое кемпинг и с чем его едят. — Я же третий день в отпуске, болтаюсь, как г. о в проруби, не знаю чем заняться.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Но думаю, что все возможно при желании.

В общем, через несколько минут в сторону железнодорожного вокзала мы шли уже вдвоем.

Но путь наш лежал не в билетные кассы, а в медицинский кабинет. В нём санитаркой работала приятельница моей мамы.

Деньги мы отдали ей на руки, так, что даже в кассу нам идти не пришлось, и вскоре мы держали в руках билеты, правда, пришлось слегка переплатить. Но сервис того стоил. Ведь в кассе нам бы сообщили, что билетов нет, и не предвидится.

Мама, узнав, что на юг мы отправляемся вдвоем с Валеркой, явно обрадовалась.

— Вот и хорошо, вдвоем то вам веселей будет.

Валера за последний год изрядно вырос в её глазах и приобрел кое-какой авторитет. А все потому, что не спился, как предсказывали все соседи, а вполне себе работал, приоделся, и даже играл в ансамбле. А главное, с головы до ног одевал свою сестрёнку. Поэтому мама перестала лишний раз

капать мне на мозги, переживая, не случится ли что-нибудь нехорошее со мной на азовском побережье.

На следующий день мы с Лебедевым подошли к вагону, в котором должны были добраться до Геническа. Вагон пока стоял в тупике у вокзала. Через полчаса, когда подойдет поезд Мурманск-Симферополь этот вагон прицепят к нему. Плохо только, что мы окажемся в хвосте состава, и вагон будет мотать на путях так, как будто в следующий момент его просто выбросит с рельсов, ощущения в этот момент далеки от приятных.

Девчонки-проводницы в стройотрядовской форме, резко оживились, когда мы подошли к ним.

Гадать, почему на нас они так отреагировали, не приходилось. Они явно узнали Валеру, почти год играющего в ансамбле в доме культуры железнодорожников. Тем более что за спиной у него кроме тощего рюкзака висела сверкающая черным лаком гитара – настоящая чешская Кремона.

Как я ни уговаривал его взять с собой обычный наш ширпотреб, Лебедев, потративший на гитару кучу денег, все мои аргументы отмёл одним широким жестом.

– Витёк, живем один раз, поэтому надо брать от жизни все. Украдут эту гитару, или сломают, куплю новую.

– Хозяин-барин, – сообщил я в ответ на его слова. – Но стеречь своё добро будешь сам.

У меня же в рюкзаке не было ничего особенного. Плавки, сменная пара белья, мыльно-рыльные причиндалы. Пе-

рочинный ножик, кружка, ложка.

Карман для денег я пришил в трусах самостоятельно. Двенадцать бумажек по двадцать пять рублей улеглись там, как по заказу. В кошельке же лежащем в кармане безрукавки хранилась мелочь и несколько рублей для неотложных трат, типа чая или покупки пива во время стоянок.

Так, что кроме гитары брать с нас внешне казалось нечего. Зато сверкающий инструмент в руках Валеры сделал свое дело. Девочки – проводницы всю дорогу суетились вокруг гитариста. Мне же, фигурально выражаясь, доставалась лишь обмылки их внимания.

Валера же себя не жалел. Ни днем, ни ночью. Сегодня вечером он даже слегка охрип от пения.

Ну, ничего, сейчас полногрудая Женечка напоит его кофе и разрешит доступ к телу. И как я себя не уговаривал, не завидовать приятелю, все же избежать этого нехорошего чувства полностью, не удалось.

Я уже почти задремал, как в купе зашел невысокий паренек лет двадцати положил на столик небольшую колоду самопальных порнокарт, после чего отправился дальше по вагону.

Любопытная девчонка тут протянула к ним шаловливые ручонки.

– Светка! Не трогай карты! – завопила её мать.

Пришлось пойти навстречу её желаниям и выхватить из-под носа девочки эти фотки.

Дама посмотрела на меня с благодарностью, особенно, когда я, не глядя, убрал колоду в нагрудный карман. Через двадцать минут паренёк, косящий под немого, вновь появился у нас купе. Я подал ему карты, и он также молча пошел по своим делам, поняв, что покупателей здесь не найдет. Зато девчонка забросала мамашу вопросами, почему ей нельзя было посмотреть картинки. Видя мою ехидную ухмылку, мамаша нервничала, и, похоже, разговор мамы с дочкой угрожал закончиться подзатыльниками.

Под негромкую перебранку соседей я все же уснул. Валерка был предупрежден, что на нижнее место он сегодня не рассчитывает. И если явится ночью, пусть сразу лезет на верхнюю полку.

Валера появился в купе только под утро и сразу последовал моему совету. Я с трудом его добудился, когда Женя начала разносить чай. В отличие от Лебедева проводница была свежа и весела. Молодец, Валера, не посрамил наш тандем.

Когда цель поездки уже близка, время начинает растягиваться, как жвачка.

Правда, Валерку, когда он в очередной раз пошел в туалет, чуть не уговорили перекинуться в картишки в тамбуре.

Хорошо, что я решил посмотреть, где застрял мой приятель. Поэтому игру удалось прервать на стадии переговоров. Два улыбчивых мужичка попытались и меня вовлечь в это мероприятие, на что я заявил, что в поезде на деньги лучше не играть, даже на копейки.

Улыбки у мужиков исчезли, но на обострение ситуации они не пошли. Всё же сейчас день и пассажиры постоянно сновали в вагон-ресторан, проходя через тамбур.

– Чего ты меня утащил? – возмущался Лебедев. – Нормальные же мужики, пригласили в секу сыграть. Хоть время бы незаметней прошло.

– Ага, – согласился я. – Время бы прошло быстрее, это точно, но без денег ты бы остался еще быстрее.

Валерка бурчал недолго, взяв гитару в руки, меланхолично запел:

– Ты не пришла провожать, поезд устал тебя ждать
Снова знакомый перрон, только тебя нет на нём.

Но что-то сегодня пел он без энтузиазма и, не закончив песню, отложил гитару в сторону и снова улегся в койку. Видно, Женя его изрядно умотала за ночь.

Все же во второй половине дня на очередной остановке мы вышли, наконец, на платформу станции Новой Алексеевки. На небе не было ни облачка. Солнце палило, как в пустыне Сахаре. Но все равно, после духоты вагона, на улице дышалось намного легче.

Встречающих на платформе было негусто, поэтому я сразу углядел среди них стройную фигурку Наташки в белом коротком платьишке.

Обниматься мы не стали, но чмокнули друг друга в щечку.

– Витя, очень рада тебя видеть, – улыбнулась она. – Смотрю, ты с другом приехал?

– Ага, – подтвердил я. – Наташа, представляю тебе моего соседа по дому и хорошего приятеля Валеру Лебедева, талантливому музыканта.

– Очень приятно, – ответила Смолянская и улыбнулась, очаровательной белозубой улыбкой, резко контрастировавшей с ее загоревшим лицом.

Валерка ответил что-то невразумительное, и вообще выглядел так, как будто его ударили пыльным мешком из-за угла.

Он, конечно, знал, что в Геническе меня ждет девушка, но видимо не рассчитывал, что та окажется красавицей.

Впрочем, пришел в себя он довольно быстро и сразу потащил гитару из-за плеча, сейчас он вновь горел желанием что-нибудь сбацать.

– Наташа, сейчас в качестве извинения я вам песню спою, можно?

К этому времени на платформе оставались только две торговки с ведрами яблок и кукурузой в початках, да местный милиционер, лениво сплевывавший шелуху от семечек в сторону большой урны.

Наташа вопросительно глянула меня. Улыбнувшись, я пожал плечами.

– Ну, спой, – нерешительно согласилась девушка.

– В белом платье с пояском я запомнил облик твой,
По обрыву босиком бегали мы с тобой,

– воодушевленно запел мой приятель.

Когда он закончил петь, одна из торговок несколько раз хлопнула в ладоши.

– Ой, це гарно хлопчик спивает! – сообщила она милиционеру, подошедшему ближе к нам. Тот, пока Лебедев пел, даже перестал лузгать семечки.

Валере реакция слушателей понравилась и, похоже, он собрался петь еще, поэтому пришлось его одернуть.

– Лебедев, хватит песен, нам еще надо до места добратся, – сказал я. – Пока ты тут голосишь, все такси в город уедут.

– Не уедут, – заверила Наташка. – Через двадцать минут московский поезд подойдет.

Действительно, на небольшой площади у станционного здания стояли две Волги. Дождаться автобуса нам не хотелось.

Поэтому всего за три рубля водитель одной из автомашин пообещал нас домчать до лагеря «Летние Зори» на Арабатской стрелке. Я чуть рот не раскрыл из-за удивления от таких цен. Вот, что значит сельская местность!

По дороге Наташа выяснила, что Валерка играет еще и на аккордеоне, и в пять секунд уговорила его поработать на танцах в пионерском лагере. Налегая на то, что в эту последнюю

смену пионерам не повезло, им пришлось танцевать под радиолу с несколькими пластинками так, как учительница музыки срочно уехала домой, и на август нового музыкального работника найти не удалось.

Валера особо не возражал, даже не поинтересовался, заплатят ли ему за эту работу.

До Геническа по пустой трассе мы доехали за несколько минут. Одноэтажный мелкий городок, оставшийся практически в стороне, особого впечатления не произвел, тем более что проскочили мы его довольно быстро и по деревянному мосту переехали на песчаную косу Арабатскую Стрелку.

Течение в протоке было довольно сильным и увлекало за собой из Азовского моря в Сиваши тучи медуз.

Увидев их, я мысленно чертыхнулся. Совсем забыл об этой напасти Азова. Хотя слабая надежда, что этих тварей у пляжа будет не так много, меня не оставляла.

Оставляя за собой тучу пыли, и переваливаясь с колдобины в колдобину, машина двигалась по песчаной дороге. Несколько минут такого пути, и мы остановились у въезда в лагерь.

– Ребята, – извиняющимся тоном сказала Смолянская. – В лагере мне вас не получится устроить. Но рядом в кемпинге у нашего сторожа Василия Ивановича Гордиенко работает приятельница, она обещала помочь.

– И что требуется от нас? – первым сориентировался Лебедев.

– Ничего особенного, две бутылки водки или горилки.

Мы глянули друг на друга. Похоже, мысли у нас сходились.

– Блин! Куда мы попали, вокруг сплошная дешевизна.

Оставив вещи и гитару у Наташи в медпункте, мы двинулись в ближайший и единственный магазин в окрестностях, где без проблем затарились водкой. О себе я и не говорю, да и Валера тоже не выглядел особо взрослым, но продавщице на наш возраст было наплевать. Так, что через полчаса, мы уже шли на встречу с Васей Гордиенко.

Хохол Вася, небритый, загорелый мужичара, лет тридцати, явно был себе на уме. Видуха у него была, как у махрового бомжа. Хотя он явно им не был, потому, как специфического запаха не имел. Наоборот, пропах свежей рыбой и морем. Как оказалось, он всего лишь полчаса назад приехал с рыбалки. Договорились мы с ним быстро. Две бутылки переключали в объемистые карманы его брезентовых штанов, и мы всей кампанией отправились на поиски его подружки.

Поиски продлились недолго. Бродя между рядами фанерных палаток, мы обнаружили полную, крашеную блондинку с химической завивкой около администрации кемпинга. Сначала Мария Назаровна, оказавшаяся завхозом, предложила нам вдвоем пожить в одной палатке. Но мы, сразу отрицательно замотали головами. У меня было, кого пригласить в гости, да и Валерка надеялся, что тоже не будет спать

в одиночестве. Так, что планируем жить рядом, но в отдельных «роскошных» апартаментах.

Заплатив за две недели проживания, мы взяли ключи и отправились уже на поиски своих кибиток, расположенных на первой линии от моря. Судя по выброшенным волнами водорослям и подсохшим останкам медуз, в шторм вода практически добирается до нашего жилья.

В общем, к пяти часам мы заселились в соседние двухместные фанерные будки, стоявшие практически у воды.

Ну, что же, главное, крыша над головой имеется. А то, что пол в будке отсутствует, так в этом нет ничего страшного. Зато есть две односпальные кровати и небольшой столик у застекленного окошка. Если эти кровати сдвинуть, получится вполне приличный траходром.

Ознакомившись с жильем, я собрался в пионерский лагерь, забрать из медпункта рюкзаки, гитару, на всякий случай, мы пока решили оставить там.

Правда, в лагере пришлось еще поискать Смоленскую, потому что медпункт был на замке.

Нашел её в столовой, где она пила чай в кампании нескольких женщин. Те, естественно, разглядывали меня со всем вниманием, аж мурашки по коже побежали.

Извинившись, что отрываю девушку от такого важного занятия, я сообщил, что хочу забрать свои вещи.

— Юноша, может, вы немного посидите с нами, чайком побалуетесь, расскажете нам, как дела в Петрозаводске, а то

мы здесь второй месяц находимся, совсем от жизни отстали, – неожиданно предложила довольно симпатичная дама лет пятидесяти.

– Спасибо, но сегодня откажусь от чая, – заявил я. – Меня в кемпинге ждет друг, не хочется его волновать. Но в следующий раз обязательно воспользуюсь вашим приглашением.

– Это наша начальник лагеря Софья Ароновна Фридман, – пояснила мне Смолянская пока мы с ней шли в медпункт. – Нам с ней здорово повезло. Тактичная женщина и не скандальная.

В медпункте я все же не удержался и дал волю рукам.

– Витя, ты же говорил, что торопишься, – напомнила мне Наташа, стараясь выбраться из моих шаловливых рук. – Когда вы устроитесь, приходи после десяти в медпункт, Только постарайся пройти незаметно.

– Хорошо, – согласился я. – Вечером буду, как штык.

И сам первый засмеялся от двусмысленности сказанного.

Добравшись до будки, отдал Лебедеву его рюкзак. Кинув свой на кровать, слегка поностальгировал, вспоминая пятизвездочные отели Кипра и Доминиканы. Но так, как смысла в этих воспоминаниях не было, вскоре выкинул их из головы. Разделся, натянул плавки вышел на пляж и с разбегу забежал в воду. Обнаружив, что в нескольких метрах от берега вода мне по шею, обрадовался. Но, оказалось, что зря. Дальше от берега становилось все мельче и пришлось еще метров сто брести по колено, в воде раздвигая ногами стрекающихся

медуз. Мой приятель немедленно последовал за мной, стараясь не дотрагиваться до студенистых созданий.

Для меня купание в море было первым только в этой жизни. Поэтому к нему я отнесся, как к обычному факту. Чего не скажешь о Валерке, тот был в полном восторге. С трудом удалось уговорить его выбраться из воды. Накупавшись до одури, мы сполоснулись под душем, закрыли на висячие замки наши будки и отправились на рекогносцировку.

Палаточный кемпинг тянулся вдоль берега метров на двести. С одной стороны его ограничивал забор пионерского лагеря, а с другой большое здание столовой, в которое мы не преминули зайти. Около многих палаток отцы и матери семейств готовили на примусах нехитрый ужин. Некоторые усердно намывали свои 408е Москвичи и горбатые Запорожцы, нисколько не заботясь об экологическом состоянии пляжа.

Машины у нас с Валерой не имелось, примуса тоже, поэтому без посещения столовой было не обойтись.

В той, отстояв довольно длинную очередь, мы смогли культурно поужинать, отгоняя множество мух, бифштексом с луком и яйцом, черным хлебом и стаканом лимонного напитка с коржиком. Напиток, судя по всему, делался из лимонных корок, но пить его можно было вполне. Заплатив по шестьдесят копеек, мы покинули это заведение.

Выйдя из столовой, обнаружили, что на улице довольно быстро темнеет.

Ступив на дорогу, по которой нас привезли, мы направились в сторону лагеря. Никаких фонарей вдоль дороги, конечно, не имелось.

Зато в сгущающейся темноте по правой стороне дороги на небольшом здании приветливо горела надпись «Бар Золотой Якорь».

– Зайдем? – предложил Лебедев.

Естественно, я согласился.

Внутри было довольно уютно. Несколько столиков, барная стойка и даже небольшое место для танцев. Для сельской местности очень даже ничего.

На танцевальном пятаке как раз топтались три пары под песню Лили Ивановой «Банг-Банг».

Взяв по коктейлю, мы уселись на сиденья у стойки, и Валерка немедленно начал выпрашивать у молодого, ненамного старше нас, бармена, где и как тут можно отдохнуть кроме этого заведения.

Тем временем музыка закончилась, и пары разошлись по столикам. А к нам за барную стойку подсели две девицы, весьма потасканного вида.

Они о чем-то переговаривали с барменом, потом одна с улыбкой обратилась к нам.

– Молодые люди, вы не угостите девушек коктейлями?

Я хотел, было, культурно их послать, но Лебедев, зараза, опередил.

– Таким красивым девушкам разве можно отказать, ко-

нечно, угостим, — заявил он.

Повернувшись к бармену, он заказал два коктейля, при этом выбрал те, в которых больше всего было водки.

Бармен подобной просьбе не удивился и быстро её выполнил, наложив в бокалы льда в два раза больше обычного. Что мой наметанный взгляд не оставил без внимания.

Мы немного поговорили с девушками, но энтузиазм Лебедева на глазах угасал, а у меня, его не имелось изначально. Алкоголя дамам он больше не заказывал, и те незаметно испарились.

— Что, не удалось девушку на ночь склеить? — поддел я приятеля.

На что Валера тут же ответил.

— Что-то я практику общажную терять начал, только после того как эти шмары коктейли выпили, понял, что нас динамят. А я им не нанимался просто так выпивку оплачивать.

Ладно, давай двинем в сторону нашего жилья, а то потом в темноте хрен его найдем.

Когда вышли на улицу, Лебедев продолжил злиться.

— Ишь, нашли простаков. Понял, что эти чувихи на бармена работают?

В ответ я кивнул. Понять было нетрудно. Бар, похоже, влачил жалкое существование. Сотрудники пионерских лагерей были в нём нечастыми гостями. А в кемпинге в основном жили семейные люди с детьми, им тоже было не до посещения баров. Зато таких случайных посетителей, как мы, сам

бог требовал развести на бабки.

Предположения Валеры о поиске жилья оправдались в полной мере. И хотя у нас был ориентир в виде туалета типа сортир, от которого за тридцать метров несло хлоркой, наши будки среди десятков им подобных, мы нашли не сразу.

Пришла очередь Лебедева устраиваться на ночлег в печальном одиночестве, а я, сполоснувшись под пляжным душем, собрался в гости.

Когда в десятом часу вечера я с сумкой в руках прокрался в ворота пионерского лагеря, Вася Гордиенко, сидевший в караульной будке, проводил меня понимающей усмешкой.

Дверь медпункта и на этот раз была закрыта, но, когда я тихо постучал в окошко, она бесшумно отворилась и Наташа, обняв меня, завела в комнату.

В ней было еще темней, чем на улице, что, впрочем, не помешало нам тут же переместиться на кровать в изоляторе.

Впрочем, долго мы на ней не пробыли. Скинув матрац на пол, продолжили упражняться на нём, периодически пробуя новую позу Камасутры.

Ближе к двум часам ночи мы слегка утомонились и уселись за стол. Я принес с собой бутылку сухого вина, коробку шоколадных конфет и кулек абрикосов.

Абрикосы Наташа сразу решила помыть. Благо, что водопровод в медпункте имелся в наличии. Свет, во избежание, естественно, не включали. Так, сидя в потёмках, мы пили сухое вино из мензурок, заедали его абрикосами и шоколадом.

Иначе эту кислятину пить было бы невозможно.

В отличие от недавней смелости в раскованных позах, в разговоре мы старались обсуждать нейтральные темы. Но Смолянская первая нарушила негласную договоренность.

– Витя, знаешь, я сейчас в такой жуткой неопределенности, ты так неожиданно ворвался в мою жизнь, перевернул все вверх дном, – призналась она. – У меня все было распланировано, высчитано. А сейчас не знаю, как быть. Правда, не знаю. У нас ведь с Васиным в октябре свадьба намечалась. А я тут с тобой ему изменяю. С мальчишкой. И почему-то нисколько об этом не жалею.

Она замолчала и потом шмыгнула носом, потом еще и еще.

Я же никак не мог собраться с мыслями.

Неужели, так ошибся в характере девушки. Еще тогда, в первый раз после нашей встречи с ней в квартире, мне показалось, что передо мной особа, определившаяся со своим будущим и твердо идущая к цели, не особо церемонясь со средствами её достижения. А ведь должны были возникнуть сомнения, когда она в июле позвонила мне на работу, сказав, что хочет меня увидеть. Но и тогда, я принял это за стремление просто развлечься с надежным парнем, который не разболтает лишнего.

Когда она предложила приехать к ней в лагерь в августе, я несколько раз переспросил, не навредит ли ей мой приезд.

Конечно, у меня дома, когда мы проверяли на прочность старый диван, Наташа заверяла, что не навредит. Возможно, в другой обстановке она бы этого не сказала. Но ведь я буквально перед поездкой посылал телеграмму, в которой повторно спрашивал, можно ли приехать и ответ снова был положительный.

Ну, и что мне теперь ей говорить? Хотя я ныне рослый парень и выгляжу немного старше своего возраста, но мне всего шестнадцать лет, я, собственно, никто. Какой из меня муж? И откровенно говоря, мне совсем не хочется жениться.

Хм, а может это просто представление для меня? Хотя нет, вряд ли. Ведь выбор у девушки очевиден. Кто я и кто Васин. Откуда у нее появились сомнения в выборе непонятно, возможно с этим Васиным не все так просто?

– Ой, ладно, – не буду грузить тебя своими проблемами, – заявила девушка, неожиданно перестав рыдать, и не дождавшись от меня осмысленного ответа. – Кстати, у меня спрятано полбутылки апельсинового ликера, давай смешаем с вином. Все не такая кислятина будет.

– Блин, чего она ждала от меня? – пытался я понять, пока мы допивали получившуюся смесь. Но когда вновь переместились на матрац, мне уж было не до размышлений.

Утром, чуть начало светать, я покинул медпункт.

Ворота были закрыты, но под ними оставалось достаточно места, чтобы протиснуться, что я и сделал, не желая будить

сторожа. Возможно, он тоже сейчас не один в своей сторожке.

Поеживаясь от утренней прохлады, быстрым шагом добрался до своего жилья. Зайдя внутрь, быстро разделся и нырнул под одеяло. Ведь в будке было, нисколько не теплей чем на улице.

Время только подбиралось к пяти утра и, вроде бы можно было еще поспать. Но сон все не шел.

Испортила мне настроение Наташка, как есть испортила. Я сто раз пожалел, что приехал сюда пока крутился в кровати, пытаюсь заснуть.

Кардинальная ошибка состояла в том, что я оценивал поступки девушки с колокольни своего жизненного опыта. Мне и в голову не приходило, что Наташи в голове ползают такие огромные тараканы.

– Ну, пригласила она меня приехать и ладно, видимо, понравился в постели. Как взрослые люди, встретимся и разбежимся без всяких обязательств – это так я думал, а оказалось совсем не так.

– Теперь, как порядочный человек, ты на мне должен жениться, – так бы звучали её слова, высказанные этой ночью, если бы их перевести в понятный формат.

– Ай, ладно! Хрен поймешь этих баб, сколько бы лет им не было, сами не знают чего хотят, а я все равно не жёнось, – подумал я и повернувшись на бок попытался заснуть. Что мне вполне удалось.

Проснулся я от духоты. Солнце прогревало фанерную будку не хуже парника. Вскочив с кровати, я ринулся открывать дверь.

На улице был тоже не фонтан, но все же легче чем в палатке.

– Проснулся, наконец, – прокомментировал мое появление Лебедев. Тот, похоже, встал уже давно и сейчас загорал лежа на полотенце у своей будки.

Поздоровавшись, я потрусил к туалету, возле которого пришлось несколько минут подождать из-за очереди в несколько человек. Глянув на огромную очередь в женскую половину, в очередной раз поздравил себя с тем, что я не женщина.

Сделав свои дела, вернулся к себе и, взяв мыльно-рыльные припасы, направился к длинному ряду умывальников из оцинкованной жести, с проходящей над ними водопроводной трубой с кранами над каждым умывальником. Канализация, естественно, отсутствовала, как класс. Из раковин грязная вода стекала на песок, а затем в море.

К умывальникам очереди практически не было, все-таки я встал довольно поздно. Но утром тут наверно не протолкнуться.

– *Как здорово, что мне пока не нужно бриться,* – подумал я, глядя, как несколько мужчин, морщатся, споласкивая помазки и станки холодной водой.

Умывшись, закинул мыльницу, зубную щетку и полотенце

в будку и обратился к Валерке.

– Нам не пора позавтракать?

– Давно пора, – отозвался тот.

– Тогда идем в столовую.

Возвращались мы к себе по линии прибоа, то и дело, перешагивая через лежащие тела, или просто уступая входящим в воду купальщикам.

Около наших фанерных палаток нетерпеливо прохаживались три девушки. Переглянувшись, мы ускорили шаг.

– Наконец, вы появились, – облегченно выдохнула Смолянская. Девчонки, пришедшие с ней, робко молчали, не вмешиваясь в беседу. Хотя зачем они явились, понять было нетрудно.

Наташа держала в руках Валеркину гитару, значит, сейчас его будут просить что-нибудь спеть.

Лебедев тоже сразу просек с какой целью явились неожиданные гости и расплылся в довольной улыбке.

Девушки наши предположения полностью оправдали, упрашивая Валеру что-нибудь изобразить на гитаре.

Забрав инструмент у Смолянской, он уселся на стул, принесенный из палатки, и тронул струны.

– Обязательно, обязательно я на рыженькой женюсь

Обязательно, обязательно, я найду жену на вкус.

Начал он первую песню, глядя на одну из Наташиных

спутниц, действительно имеющую в волосах легкую рыжинку. Все было бы неплохо, но только почти каждый проходящий мимо отдыхающий останавливался рядом с нами, чтобы прикоснуться к высокому искусству пения. Поэтому скоро вокруг нас собралась изрядная толпа.

Спев несколько песен из бардовского репертуара, Валера громко объявил, что концерт окончен. Толпа, недовольно ворча, разошлась, снова оставив нас впятером.

Народа на пляже к этому времени стало еще больше. Кажется, все обитатели нашего кемпинга решили пожариться на солнце.

– Ребята, а давайте пойдем на наш пляж, – предложила девушка с рыжинкой, Лена Иванова, оказавшаяся дочкой Софьи Ароновны. Её подруга Зоя Малинина тоже согласно кивнула головой.

– Ага, так нас туда и пустили, – скептически отозвался Валера.

– А почему нет, – удивилась Наташа. – Мы же вроде договорились, что ты будешь играть на танцах. Так, что имеешь полное право загорать на нашем пляже.

– А мне на каком основании разрешите пребывание на вашем пляже? – поинтересовался я.

– Наверно, как другу музыканта, – снисходительно улыбнулась Наташа. В этой троице она была явным лидером, что и неудивительно, когда работаешь три года секретарем комсомольской организации училища.

Собраться нам было недолго, так, что вскоре мы бодро двигались в сторону лагеря, из-под ворот которого я выползал в пять часов утра.

Действительно полоса лагерного пляжа была практически пуста. Так, что мы с удовольствием расположились на чистом песке.

Наташа, извинившись, покинула нас, сообщив, что ей необходимо заняться делами. Зое тоже пришлось идти, пищеблок нуждался в работе посудомойки, коей она была.

С нами осталась только Ленка Иванова. Девчонке было ужасно скучно, она практически все лето провела здесь, поэтому, найдя свободные уши, с удовольствием делилась с нами подробностями жизни в пионерском лагере.

Валерка в общении с ней энтузиазма не проявлял, и я его вполне понимал. Валере нужно было срочно найти подругу на ближайшие несколько дней, или точнее ночей, а семнадцатилетняя, узкобедрая с намеком на грудь в виде прыщиков, дочка руководителя лагеря на эту роль определенно не тянула.

А раз Валера был неразговорчив, то все внимание девушка уделила мне.

Приблизительно через час, на пляже появилась Софья Ароновна в сопровождении двух девушек-вожатых. Увидев дочь в кампании молодых людей, она никак это не прокомментировала. Но когда улеглась неподалеку на расстеленное покрывало, подозвала Ленку к себе и что-то долго ей втол-

ковывала.

Мы молча наблюдали за этим нравоучением, а когда Ленка с обиженной физиономией ушла не прощаясь, Лебедев с недоумением шепнул.

– Слушай, как получается, директорша вроде бы еврейка, а у Ленки фамилия Иванова?

– Ничего сложного, Значит, отец у Ленки был Иванов, вот и все дела. – сообщил я в ответ.

– Аа, то-то я смотрю Ленка светленькая, на еврейку не похожа. Эх, была бы она не дочкой Ароновны и не такая тощая, я бы её быстро склеил, А так ни сиськи, ни письки, ну её на фиг, – резюмировал приятель и устремил свой взгляд на двух девушек, пришедших с директором. Особое внимание он уделил девушке с выдающимися выпуклостями, кидая на них отнюдь не платонические взгляды. Увы, достоинства Ленки Ивановой рядом с этой девицей не котиrowались от слова совсем.

– Как бы мне с этой жопастьенькой поговорить? – задумчиво произнес Лебедев.

– Ты, что, забыл, что сегодня уже обещал на танцах играть, – напомнил я.

– Все вожатые тоже придут. Так, что там и лови момент. Мне, что тебя учить надо?

– Нет нужды, – отказался Валерка. – Не учи отца и баста. День тянулся медленно. Ближе к двенадцати часам началось купание пионеров.

Пересчитав по головам очередную парию мальчишек и девчонок, их выпускали в море на небольшой участок, огороженный рыбацкими сетями. Выбраться за его пределы было невозможно. Тем не менее, за процессом купания бдительно следили две вожатые и физрук. Они периодически начинали пересчитывать поголовье октябрят и пионеров, иногда путаясь в счете, что вызывало новые волнения и пересчеты. Дав побултыхаться детишкам в мутной воде пятнадцать минут, их выгоняли из моря, вновь пересчитывали и запускали новую партию. Мы с сочувствием следили за этой процедурой, не знаю, кого мне было жалче, детишек, не накупавшихся вволю, или вожатых с физруком, нервничавших на берегу.

Валера в этот момент не отрывал взгляд от грудастой вожатой в бикини, которую физрук ласково называл Зинойчкой и периодически пытался погладить по выдающейся заднице.

– Эх, как бы я ей вдул, – с тяжелым вздохом неожиданно высказался Лебедев.

В ответ на его мысли вслух, я ответил примерно следующее, что физрук, которого Зиночка называла Геннадием Палычем, тоже совсем не против вдуть своей коллеге. И, похоже, он это уже делает на регулярной основе.

– Да вижу я, – печально отозвался, приятель. – Ладно, поищем другую кандидатку. Хотя бы Зосю Малинину, тем более, та в пищеблоке работает, значит, проверена от и до.

Купание завершилось, дети ушли на обед, и на пляже

вновь воцарилась блаженная тишина. Еще немного позагорав и искупавшись, мы тоже решили пообедать.

После обеда, когда мы только вернулись из столовой и вновь разлеглись на пустынном пляже, к нам подошла Ленка Иванова.

– Валера, чего лежим, чего ждем? – обратилась она к Лебедеву.

Тот недоуменно поднял голову, а Лена, не дожидаясь ответа, продолжила.

– Идем со мной, мама хотела с тобой поговорить.

Валерка быстро натянул брюки и отправился вслед за девушкой. Та, шла впереди, одетая только в крохотное бикини, (ну, как крохотное, для этого времени, конечно), старательно виляя задницей. Вот только худосочная попка не вдохновляла на подвиги, собственно, как и лиф нулевого размера.

– *Хорошая девочка*, – думал я, глядя ей вслед, – *чем-то на мою внучку Арину похожа*.

Как-то неожиданно накатила грусть. Вроде бы за прошедшее время свыкся с тем, что никогда больше не увижу своих родных и надо привыкать к новой жизни. Но все-таки иногда прорывались воспоминания, вот прямо, как сейчас.

Я вздохнул, перевернулся на живот и подставил спину, палящему солнцу.

– *Как бы не заснуть, сгорю, на фиг*, – подумал я, опуская голову на покрывало.

– Хватит спать, – слышался голос Лебедева. – Идем

на кухню, нас кофе пить зовут.

Надевая футболку, я понял, что все-таки успел прилично пригореть на солнце и сегодня на пляже появляться больше не стоит.

В пищеблоке, усевшись за стол, мы оказались в окружении любопытствующего персонала. Три тетки средних лет и уже знакомая нам Зоя Малинина, уселись рядом с нами и за чашкой кофе и булкой с маслом приступили к сбору информации.

В отличие от болтуна Валерки, я старался много не говорить, не зная, как это может отразиться на Наташе. Но в процессе общения со сплетницами понял, что уже невидимой рукой исчислен, взвешен и поделен. И весь персонал лагеря в курсе, что к фельдшерице приехал жених. Внешне парень хоть куда, только уж слишком молоденький.

Когда в столовую зашла Софья Ароновна со Смолянской, допрос на время прекратился, пришедшим налили кофе, и разговор продолжился.

Софья Ароновна, действительно оказалась тактичной женщиной и неприятных вопросов старалась не задавать.

– Фуу! – выдохнул Лебедев, когда мы, закончив с кофеем, вышли из пищеблока и направились к себе. – Задолбали старухи со своими вопросами. Кто? Да откуда? Почему. На хер, больше кофе пить не пойдем.

Я ухмыльнулся.

– Да ладно, Валера. Не бери в голову, женщины тут все

лето работают. Всё про всех сто раз обговорили, а тут два свежих кадра появились. Вот им и интересно. Поверь, через два дня они о нас и не вспомнят.

Добравшись до своего жилья, мы ополоснулись под душем и залегли отдохнуть. Через два часа нас ждали пионерские танцы.

– Блин, горелый, надо отдохнуть, – выдохнул Валерка, снимая с плеча ремень аккордеона, закончив очередную песню и вытирая вспотевший лоб и шею полотенцем.

Из зала слышались возмущенные возгласы. Пионерия только что увлеченно прыгавшая под музыку, э-гей-гей хали-гали, требовала продолжения банкета.

– Ребята, успокойтесь, гармонист устал, потанцуем под пластинки, – воскликнула вожатая, отвечающая за сегодняшний вечер, и направилась к сиротливо стоявшей в углу радиоле.

Через минуту в самодельной колонке, которую мы с Лебедевым наспех, кое-как, но починили, сквозь шум и треск запиленной пластинки раздался голос Майи Кристалинской.

– Вальс устарел, говорит кое-кто смеясь.

Век усмотрел в нем отсталость и старость.

Танцы в лагере проходили на закрытой от дождя веранде. Сейчас середина её была практически пуста и через эту середину ко мне, разговаривающему с Валерой, подошла Наташа.

– Я приглашаю тебя на вальс, надеюсь, ты не откажешь? –

спросила она.

Вместо ответа, я взял её за руку и вывел на свободное место, и мы привычно закружили в танце.

Как обычно, стоило найтись кому-нибудь смелому, как тут же появились подражатели. Наш физрук Геннадий Палыч тут же пригласил танцевать вожатую Зиночку. И вскоре почти весь персонал лагеря кружился в вальсе под удивленные взгляды воспитанников. И даже Валера неуклюже топтался с Зоей Малининой. Никак не мог он освоить несложные па вальса, это тебе не песни петь.

– Не боишься так афишировать наши отношения? – спросил я у партнерши по танцу.

– Не боюсь, – улыбнулась Наташа. – Мосты сожжены.

– *Мда, похоже, Васину свадьба обломилась*, – подумал я, продолжая кружить партнершу в танце.

Отзвучала музыка на пластинке, и Лебедев, проводив Зою, снова направился на небольшую сцену, уселся на стул и взял в руки аккордеон.

– Ансамбль Энималз, Дом восходящего солнца, – объявил он громко. – Белый танец, приглашают девушки.

– Все-таки талантливый чертяка! – подумал я о нем. – Без всяких нот, на слух, играет такой репертуар.

А площадка, между тем заполнилась танцующими парами, Сегодня танцы были у старших отрядов, где давно определились симпатии и девчонки активно приглашали парней.

Вожатые в основном не танцевали, они активно следили

за подопечными, и периодически напоминали увлечшими-ся обнимашками парам, что танцевать нужно на пионерском расстоянии.

Подопечные делали вид, что соглашаются, но тут же нарушали дистанцию. Наиболее смелые девушки буквально висли на своих кавалерах.

Кое-кто из оставшихся в одиночестве кидал хищные взгляды в мою сторону. Не шибко я отличался от их сверстников.

Но пригласить меня все же не решались. Никому из них не хотелось портить отношения с фельдшером. Так и укол в попенцию можно заработать.

После танцев мы с Валеркой дружно направились на выход. Лебедев был в отличном настроении. Софья Аронова, пообещала ему по итогам работы заплатить сорок рублей. Правда, по прибытию в Петрозаводск. К тому же сегодня ночью он ждал в гости Зою Малинину. Ко мне же обещала придти Наташа.

Поздно вечером девушки появились в наших скромных обителях.

Сразу укладывать их в койки было бы неправильно, поэтому мы с Лебедевым накрыли скромный столик у меня в будке.

Окошко было занавешено простыней, а стол скромно освещала свечка, стоявшая в кружке.

Выбирая вино, мы с Валерой чуть не подрались. Он хотел

купить просто водки, я же настаивал на вине, желательно полусладком. Сошлись на том, что купим и то, и другое.

Сидели мы в компании недолго, однако вино успели выпить всё. Лебедев, уводя Зою к себе, не забыл прихватить начатую бутылку водки.

Три часа пролетели незаметно. Остаться на ночь Наташа категорически не согласилась, поэтому в два часа ночи пришлось её провожать в лагерь.

Оказалось, что через ворота в него попадать совсем не обязательно. Широкая доска в заборе висела на одном гвозде, и через открывшуюся прореху можно было спокойно пролезть, прямо за медпункт.

И тропинка, надо сказать, была натоптана там прилично. Видимо пользовались ей довольно часто.

Тут у этой лазейки мы с Наташей и распрощались.

Она пошла к себе в медпункт, ну а я пошлепал в свою будку.

В дальнейшем наши дни разнообразием не отличались, купание, загар, посещение столовой, и если бы не ночные встречи, тоска была бы полная.

Как-то утром Лебедев намекнул, что пора прокатится в Геническ и купить билеты до дома. Лагерь заканчивал свою работу на несколько дней раньше, чем планировали уезжать мы. Поэтому нужно озаботиться данным вопросом.

Так, что мы вместо того, чтобы после завтрака привычно занять свои места на пляже, отправились на автобусную

остановку.

Народа в автобус набилось, не меряно. В основном это были теткы из кемпинга, едушие на рынок, закупиться продуктами. Видимо их мужья, не желали ради этого заводить свои москвичи и запорожцы.

Вокзал Геническа оказался небольшим одноэтажным зданием. Когда мы зашли вовнутрь, то даже не смогли протиснуться к кассам сквозь сплоченную толпу.

– Эй, хлопцы, вы, куда прёте без очереди, – завопили сразу несколько человек.

– Хорошо, – согласился я, – кто тут последний?

– Я! – радостно воскликнул худосочный парнишка в очках, показывая мне ладонь, на которой был химическим карандашом выведен номер 363.

– Это, что? – удивился я – впереди столько народа стоит?

– Да, нет, – пустился парень в объяснения. – Впереди, наверно, человек двести пятьдесят. А здесь только те, кто сегодня планирует купить билеты. Это мне приходится стоять, пока, кто-нибудь не займет очередь за мной. А остальные уже отметились и ушли.

Он с надеждой посмотрел на нас.

– Вы будете очередь занимать, – спросил он, доставая из кармана карандаш.

Мы с Валеркой посмотрели друг на друга.

– Да, ну нах, – сообщил приятель, и я с ним согласился. Приезжать сюда несколько дней подряд, отмечаться, чтобы

не вылететь из очереди совсем не хотелось. Оставив разочарованного очкарика дожидаться следующего желающего, купить билеты, мы вышли из душного помещения на улицу.

И раз уж мы попали в кои веки в город, то решили прогуляться на рынок.

Ну, что сказать, рынок впечатлил низкими ценами. Особенно на фрукты и овощи, стоили они копейки.

К сожалению, вишня уже практически отошла, зато абрикосов и яблок было в избытке, так же как баклажаны, помидоры и огурцы.

Их то мы и купили всех понемногу, и, кроме того, запаслись семечками, перепробовав предварительно у десятка бабкок. А затем поплелись пешком в кемпинг. На наше счастье добрый дядя шахтер из Донецка, когда мы брели по песчаной косе, остановил свой Москвич рядом с нами и предложил подвезти до места. Были же времена!

– После обеда, лежа на пляже, мы со смехом рассказывали о нашей поездке.

Девчонки в нашем рассказе юмора не нашли, но и помочь ничем не могли, кроме доброго слова.

– Мальчики, как же вы теперь уедете? – больше всех переживала Ленка Иванова, кидая на меня страдальческие взгляды.

Мне иногда казалось, что она ко мне равнодушна и ревнует меня к Наташке.

Собственно, Наташа тоже это заметила.

Как-то вечером, когда мы встретились у меня, она, вроде бы между делом, поставила меня в известность.

– Гребнев, ты догадываешься, что Иванова втюрилась в тебя по уши?

– В первый раз слышу, – ответил я. – Когда она успела? Мы же тут всего ничего, несколько дней.

– Для любви много времени не надо, увидела и влюбилась, – сообщила Смолянская и добавила.

– Кстати, она тебе гораздо больше подходит, чем я. На целых два года младше меня – старухи.

Я засмеялся.

– Наташа, не сочиняй, девятнадцать лет детский возраст, причем тут старуха. И если надеешься, что я срочно переключу внимание на Ленку, то здорово ошибаешься, такой номер не пройдет.

Девушка показательно вздохнула.

– А я так надеялась.

Увы, в наших отношениях мы следовали словам старой песенки «О любви не говори, о ней все сказано».

Наташа приходила ко мне не каждую ночь, ссылаясь на всяческие обстоятельства. Зато к Валере девушка бегала регулярно, как на работу.

Дни пролетели незаметно. Смена в лагере закончилась, и он опустел. На проводы подруги я не пошел так, как Наташа попросила ее не провожать и не маячить лишний раз на виду у сотрудников. Хотя чего уж там, теперь скромни-

чать? По-моему о нас с ней не сплетничали только медузы в море.

У нас же с Лебедевым в запасе оставалось еще четыре дня оплаченных за проживание в кемпинге.

– А не прокатится ли нам в Крым на пару дней? – предложил я, когда рано утром автобусы, увозившие детей и взрослых, скрылись из вида.

– Поехали, – тут же согласился Валера.

Затем он задумчиво глянул на гитару.

– Может, оставим её у Васьки? – предложил он.

– Давай, – ответил я. После чего мы отправились к Гордиенко в гости. Тот, как раз в своей сторожке распивал бутылку горилки со сменщиком.

– Вась, я у тебя гитару оставляю? – спросил Валера. – Мы на пару дней в Крым мотанемся, потом, сюда заедем и домой.

Вася вначале согласно кивнул, но затем его лицо приняло задумчивое выражение.

– Валера, слухай, послезавтра весилля у мого племянника, може, ты нам музику забезпечишь. Сам розумиєшь, на-кормим, напоймо вид пузо. Та ще рублей питдисят отримаєшь. На який хер вам цей Крим?

Теперь задумчивое выражение появилось у Валерки. Он вопросительно глянул на меня.

Я осторожно предупредил:

– Валера хорошая свадьба без драки не бывает.

Вася обрадовано подтвердил:

– Та мы вам такую бийку забезпечимо, довго будете взгодувати.

– На чем хоть играть придется? – спросил мой приятель и я понял, что тот уже внутренне согласен играть на свадьбе.

Из дальнейшего разговора стало понятно, что инструмент Вася найдет, а сама свадьба пройдет в Новой Алексеевке. Кассирша, работающая на станции, тоже входит в число приглашенных. Поэтому о билетах до дома можно не беспокоиться.

Стуча себя увесистым кулаком в грудь, Гордиенко заверил, что нас посадят в поезд и снабдят в дорогу всем необходимым. Что лично меня больше всего и подкупило.

Прошло четыре дня, ранним утром тридцатого августа на площадь перед станцией станицы Новая Алексеевка выехали три легковых автомобиля и мотоцикл Урал с коляской.

Из них вышли радостно возбужденные люди. Один рослый парень с фингалами под глазами, поднял на плечо, второго, у которого глаза вообще не открывались на вздувшемся синем лице. И потащил его к поезду. Высокий, сухощавый милиционер, выбравшийся с мотоцикла, все пытался ему помочь, пристраиваясь сбоку. Но был так пьян, что едва держался на ногах.

Жених, которого можно было узнать по черному мятому костюму, тоже с приличным фингалом под левым глазом, нес два набитых рюкзака и черную поцарапанную гитару, на которой сиротливо оставалась одна струна. Неве-

ста в припрыжку шла рядом с ним и что-то пыталась говорить. Припудренный бланш на половину лица нисколько ей в этом не мешал. Сзади их сопровождали довольные участники процессии.

Когда все вышли на перрон, почти сразу к нему подошел поезд Симферополь – Мурманск.

Проводница с ужасом смотрела, как в её купейный вагон толпа заталкивает двух побитых парней, воняющих за версту диким перегаром.

Надо сказать, что провожающие четко проследили, чтобы новых пассажиров довели до нужного купе.

– Ех, добре погуляли! – сказал, шепелявя распухшими губами Вася Гордиенко племяннику, выходя из вагона. – А Валерка москаль просто молоток! Не тильки грав, но и помахаться горазд. Другий, Витька, тот, звичайно пожиже, но тоже у нього колотуха пристойна, мени губу раскровянив тильки так. Мда давно такой заруби на весилли не бувало. Довго памятати будемо.

Голова трещала, и гудела, как котел. Открыв глаза, я обнаружил, что уткнулся носом в подушку, а в лицо мне дует ветер из открытого окна с запахом дыма. Снизу слышался мощный храп.

С кряхтением приподнявшись, я глянул туда, с высоты второй полки. Подо мной на нижней полке храпел Валера. Пожалуй, сейчас, кроме меня, его бы не узнал никто.

– Да, хорошо ему вмазал жених, – подумалось мне. – Конечно, я бы тоже вмазал, если бы увидел, как какой-то гармонист целуется врасос с моей невестой.

Кроме нас двоих в купе никого не было. Хотя кое-какие признаки говорили о том, что соседи у нас имеются. За окном уже смеркалось.

– Ничего себе, весь день проспал! – удивился я. И начал спускаться вниз, охнув от боли в правой кисти.

Усевшись рядом со спящим Валеркой, начал разглядывать свои руки. На правой кисти кожа с костяшек, кое-где была содрана.

– Мда, свадьба прошла весело, – подумал я. Последнее, что я о ней помню, это летящий в лоб кулак Васи Гордиенко и темнота. К этому времени Валерка успел вырубить жениха, пару его друзей, и сейчас вертелся ужом под горой навалившихся тел, пытаюсь выбраться и продолжить махач.

Утром я не успел протереть глаза, как перед моим носом замаячил стакан, до половины налитый самогоном.

Преподнесла его мать жениха, Марфа Даниловна. В хате было сумрачно и тихо.

– А, где все? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

– Та на двори гуляют, Васька, гад, всех пидняв, затемна. Мовляв квасити пора. Тилько вас двоих не могли добудитися.

С этими словами она всунула мне в руку стакан.

Я автоматом выпил шестидесятиградусную жидкость, стакан у меня сразу был изъят, а в руку вложен соленый огурец.

– А Валерка, где, с ним все в порядке? – поинтересовался я, переводя дух и хрустя огурцом.

– Та, шо с ним буде, спить соби хлопець, на веранди, тильки дуже вин матом уви сни лається, вухи в, януть, – пожаловалась Марфа Даниловна.

Тут мои вчерашние воспоминания прервал хриплый голос Лебедева, видимо считавшего, что все еще играет и поет на свадьбе.

– Вивчара в садочку в тихом укуточку жме дивчину, жме, – заголосил он Черемшину на все купе.

– Тихо, ты, перестань орать, мы в поезде едем, – зашипел я на него.

– Витька, ты чего шепотом базаришь, ночь, что ли на дворе? – Валерка попытался пальцами открыть отекавшие веки, и у него слегка получилось. На меня смотрели его глаза через две узкие щелочки, на ровном сине-багровом фоне.

– *Да. блин, хорошо отдохнули,* – снова подумал я. – *Что же делать, мне послезавтра на работу, как с разбитой рожей на неё идти, не представляю. Витьке, хорошо, у него еще неделя отпуска, хотя все равно, фиг все рассосется, сине-желтому на работу придется идти, ха-ха, под цвет будущего украинского флага его разукрасили.*

Лебедев вовремя заткнулся, потому, что дверь купе отъехала в сторону и внутрь зашла парочка, моряк, капитан первого ранга, лет сорока на вид и симпатичная женщина, при-

мерно тех же лет.

– Проснулись, алкоголики, малолетние? – неприязненно спросил капитан.

Валера вроде снова заснул, так, что отвечать пришлось мне.

– Не совсем, товарищ, капитан. Три дня на свадьбе пить самогон тяжко для здоровья.

– Боже мой! – экзальтированно воскликнула дама. – Вы же еще дети совсем, куда взрослые смотрели, когда вам наливали эту гадость?

– Они и наливали, – буркнул во сне вместо меня Валерка и повернулся к нам задом.

– Меня интересует другой вопрос, – сообщил мужчина. – В кассах заверили, что это купе – военная бронь. Как вы вообще сюда попали? Кто вам продал билеты?

– Ага, так я тебе и рассказал, – подумалось мне. – *Не имей сто рублей, а имей одну знакомую кассиршу.*

– Увы, иметь я её не поимел, но пообжимались мы в первый день свадьбы вволю. Пышный бюст тридцатилетней вдовушки Марийки, пробудил во мне непонятное томление, которое Наташке в её девятнадцать пробудить, пока не удалось. А потом она меня кинула. Кинула сразу, как только увидала двухметрового холостяка Ваню Горобца, шахтера из Воркуты, приехавшего на свадьбу к младшей сестре. Рядом с Ваней такой пацан, как я, конечно, не котировался, а посему пришлось скромно отойти в сторону, и основное внимание

уделить застолью.

В ответ же на вопрос моряка я безразлично пожал плечами и ответил:

– Понятия, не имею, пришли в кассу, купили билеты, сели в поезд.

Капитан громко засмеялся:

– Сели они в поезд, да вас на руках занесли! Вы тут целый день спите, пердите, да перегаром дышите. Из-за вас пришлось, хрен знает, сколько в вагоне-ресторане торчать.

По красной роже капитана было заметно, что пребывание в ресторане прошло для него с пользой и вряд ли из-за этого он горевал.

Его жена, жалостливо глядя на нас, заметила:

– Вас, мальчишки, на свадьбе просто ужасно побили. Прямо дрожь пробирает, когда на ваши травмы смотрю. У меня крем есть бодяга, может, попробуете им намазать синяки.

– Конечно, – оживился я. – Давайте, попробую. Возможно, быстрее отеки пройдут.

Повернувшись, глянул на себя в зеркало, прикрепленное на стенке. Ну, что же все нет так страшно, как я себе представлял. Слегка распухшая переносица и синяки под глазами, по сравнению с Валеркиными травмами, показались пустяком.

Тем, не менее, я взял предложенную жестяную коробочку с мазью и автоматом включил свою способность. То ли от выпитого самогона, то ли от выработанного навыка рука

при этом ощутила лишь легкое тепло и даже не дрогнула.

Открыв коробочку, первым делом осторожно смазал боковые отметины приятеля. И лишь потом, отправился в туалет, чтобы там, наедине с собой, разобраться со своими повреждениями.

Вернувшись, поблагодарил попутчицу и вернул ей остатки мази. Вот она удивится, когда попробует ее использовать.

Валера так и продолжал спать. У меня же голова практически перестала болеть, и захотелось чего-нибудь съесть. Удивительно устроен человеческий организм. Три дня мы только и делали, что ели и пили, пили и ели. Даже сегодня утром я под самогон сожрал тарелку студня и приличный кусок окорока. А сейчас снова хочется есть.

Нагнувшись под полку, я вытащил свой рюкзак, не уместившийся в рундук.

Развязав его, обнаружил кучу съестного, наложенную добросердечной хозяйкой. Поверх еды лежала литровая бутылка прозрачного, как слеза, самогона, завернутая в тряпицу.

Капитан, внимательно наблюдавший за моими действиями, судорожно сглотнул, когда я достал бутылку и начал разглядывать на свету, но, покосившись на супругу, сделал вид, что он не при делах и ему абсолютно не хочется выпить стопку, другую на халяву.

Тем временем в купе распространился такой запах свежей выпечки и сала с чесноком, что зашевелился и Лебедев.

– Витька, там в рюкзаке бутылка самогона должна быть,

давай доставай, – попросил он, пытаюсь есть.

Моряк хотел что-то возмущенно сказать, но я прижал палец к губам, он понял и заткнулся.

– Валера, в моём рюкзаке самогона нет. Хотя еды полно. Может, поешь чего-нибудь?

Валера, пока я говорил, кое-как утвердился рядом со мной.

– Поедим, только сначала бутылку в моём рюкзаке поищем. – предложил он, снова раздвигая пальцами синие отекавшие веки.

Естественно, самогон мы не нашли, потому, как он был убран подальше от шаловливых Валеркиных рук.

Вскоре на столик был выложен шмат сала, черный хлеб, жареная курица и помидоры с огурцами. Головка чеснока тоже присутствовала.

Соседи, после приглашения, нехотя присоединились к нашему пиршеству, но потихоньку вошли во вкус и налегли на еду так, как будто не провели несколько часов в вагоне ресторана.

Мне же приходилось помогать Лебедеву подавать ему в руки бутерброд или чего-нибудь еще, потому что тот по-прежнему не мог открыть глаза и делал все на ощупь.

После того, как мы выпили чаю, моё самочувствие вообще пришло в норму и если бы не боли в переносице, можно было сказать, что я полностью здоров.

Валера в еде от меня почти не отставал, но было видно,

что досталось ему поболее, чем мне.

Потом пришлось вести его в туалет, и слушать, как он там матерится и шипит от боли.

Убрав недоеденные припасы обратно в рюкзак, мы снова нырнули в койки. Измотанные трехдневным пьянством организмы нуждались в отдыхе.

Следующим утром я проснулся уже при закрытом наглухо окне. За грязным стеклом ветер гнал серые тучи и мелкую дождевую хмарь.

– Прощай юг и хорошая погода, здравствуй Средняя полоса, – подумал я, энергично спрыгивая вниз.

Соседка напротив тоже не спала и с помощью маленького зеркала щипчиками пыталась выдирать волосы из носа. Мои движения ее напугали, она тут же спрятала щипчики в карман халата и явно смутилась. Но через мгновение открыла рот от удивления.

– Витя, а ты оказывается, симпатичный мальчик, вчера такие ужас, что твоим лицом творилось, а сегодня синяки почти прошли, чуть-чуть желтизна остается под глазами, – сообщила она.

Я тут же проверил её слова глянув в зеркало, действительно, помогла бодяга, видимо, хорошо я её разбодяжил.

Валера от моих телодвижений тоже проснулся и бодро уселся осмотреться.

Жанна Михайловна удивленно ахнула, увидев его лицо, и громко заговорила, обращаясь к мужу.

– Леша, Леш! Помнишь, ты меня ругал, что я мазь зря купила в Ялте. Посмотри, как она хорошо действует!

Её муж, лежащий на верхней полке, закрывшись с головой одеялом, пришел к жизни и пробубнил оттуда:

– Жанна, милая, я только заснул по-настоящему, а ты меня снова будишь.

Но, тем не менее, откинул одеяло и внимательно посмотрел в нашу сторону, и брови на его лице поползли вверх.

А удивляться было чему.

На моем лице оставались лишь небольшие желтоватые разводы под глазами, а у Лебедева полностью сошли отеки, и сейчас он был похож на человека, а не на безглазое чудище, как вчера. Хотя, конечно синяки на лице никуда не делись так же, как и ссадина на щеке.

– Однако! – удивленно воскликнул моряк и тоже спустился вниз.

Усевшись рядом с женой, он начал пристально разглядывать наши лица.

– Жанна, дай, пожалуйста, мне эту мазь, хочу посмотреть, что там за состав, – попросил он жену.

Та молча пошарилась в сумочке и подала ему круглую, жестяную коробочку.

Повертев ее и так и сяк, мужчина вернул мазь жене.

– Ерунда какая-то, – сообщил он. – Парни молодые, вот у них, как на собаках все и зарастает.

Жена недоверчиво улыбнулась, но комментировать мне-

ние мужа не стала.

Валера тем временем глубокомысленно разглядывал свое лицо в зеркало.

– Витька, знаешь, я вчера думал, что с такой рожей буду недели две ходить. А сейчас смотрю, вроде нормально заживает. А вообще, классно мы помахались, видал, как я твоему Ваньке Горобцу зуб выбил? – спросил он, собираясь в туалет чистить зубы и умываться.

Вернувшись намытым и начищенным, Лебедев первым делом полез за гитарой. И тут его энтузиазм испарился. Он печально глядел на свой изрядно покоцанный инструмент. Затем начал аккуратно колком раскручивать последнюю оставшуюся струну.

Когда я попытался его успокоить, тем, что струны сейчас не дефицит, он сразу возмутился.

– Чтобы ты понимал! Гитара классическая, чешская, уже шла с этими струнами. Где я тебе в Петрозаводске нейлон найду, да еще посеребренный? А металл на эту гитару ставить нельзя.

Мне оставалось только пожалть плечами. Валера был неоднократно предупрежден, что не стоит брать гитару с собой, так, что он получил то, что хотел.

Убрав гитару подальше с глаз, он снова вспомнил о самогоне. Но я держался, как оловянный солдатик, так и не признавшись, что просто спрятал самогон в рундук к соседям.

День прошел скучно, спали ели, чего-чего, а еды у нас

было море, Марфа Даниловна не поскупилась набить наши рюкзаки.

К вечеру наша соседка вновь завела разговор о необычайно быстром исчезновении наших повреждений. На моем лице следов драки не осталось вообще. У Валеры кое-какие следы оставались, но по сравнению с сегодняшним утром это было, как день и ночь.

– *Хорошо, что мазь была не наша,* – в который раз подумал я. – *К нам никаких вопросов не может возникнуть.*

Следующим утром, когда мы собирались на выход, я отдал самогон, Валере. Тот посмотрел на меня уничижительным взглядом, но промолчал и пихнул бутылку в свой, изрядно похудевший рюкзак.

Мы попрощались с нашими соседями, которым еще сутки нужно было добираться до Мурманска, и пожелали им удачной дороги. Капитан усмехнувшись, шутливо пригрозил.

– Парни, я вас запомнил, вижу в армии и на флоте вы еще не служили. Но если вдруг попадете ко мне в экипаж, я вас научу Родину любить.

Но так, как вероятность этого события приближалась к нулю, на его слова мы внимания не обратили.

Выйдя на перрон, неловко попрощались друг с другом.

– Ну, ты это, заходи, как-нибудь, – буркнул Валера, – комнату мою в общежитии знаешь. Посидим за бутылочкой, вспомним, как отдыхали. Только учти, в октябре меня наверняка в армию призовут, так, что долго не собирайся.

– Лады, – согласился я и, пожав друг другу руки, мы разошлись в разные стороны.

Увы, отдых закончился, и у меня впереди маячили серые будни фармацевта в больничной аптеке.

Как ни странно, отдых в фанерном кемпинге имеет свои преимущества, хотя бы в денежном плане. Из трехсот рублей, взятых с собой, оставалось почти половина. Просто негде было их тратить. Валерка вон вообще, заработал больше, чем увез. Поэтому я, не колеблясь, направился на стоянку такси и, отстояв небольшую очередь, поехал домой с комфортом.

Дверь в квартиру снизу была покрыта черными следами от обуви. Похоже, в неё кто-то безуспешно ломился. Но, видимо, этот кто-то совесть все же имел, потому, что вышибить эту фанерную дверь, в принципе, ничего не стоило.

– Начну ремонт делать, придется и дверь заменить, – подумал я, отпирая замки.

Квартира встретила привычным запахом трав. Несмотря на то, что их большая часть была выкинута на помойку, а оставшаяся убрана в пакеты, запах все же не собирался исчезать.

Но ему недолго оставалось. В планах у меня был капитальный ремонт квартиры. Не сказать, что наследство бабушки жгло мне руки, но держать в деньги в заначке, и жить в запущенной квартире, когда есть возможность провести приличный ремонт, было глупо.

Быстро перекусив, я переоделся и отправился на работу. Вроде бы сегодня пятница и вполне можно было бы явиться на работу четвертого сентября в понедельник, оправдавшись отсутствием билетов, но начинать работу с такого не стоило.

Так, что в десятом часу я появился в аптеке.

Мое появление фурора не вызвало. Сухо поздоровавшись, Анна Тимофеевна показала мне мой шкафчик для одежды, а затем рабочее место, рядом с прочими фармацевтами. А чуть позже нагрузила несложной работой, делать навески из порошков. И даже не поинтересовалась, как я провел август, а ведь прекрасно знала, что я собирался уехать на юг.

Когана я в этот день так и не видел.

В кабинете вместе со мной за лабораторными столами работали две женщины средних лет. Понемногу мы с ними разговорились, хотя вели они себя довольно настороженно. Видимо, я, как неожиданная креатура заведующего аптекой, вызывал у них немалое подозрение. А вдруг я постукиваю тому, о чём подчинённые болтают во время работы.

После длительного ничего не делания первый рабочий день показался бесконечным. Но, наконец, он закончился, распрощавшись со всеми, я отправился в гости к маме. Надо же было доложить о своем благополучном прибытии с отдыха.

— А похудел то как! — Такими словами встретила меня мама, как только открыла дверь.

На радостях она меня обняла и только потом, глядя снизу

вверх, удивленно сообщила.

— Витька, ты же еще на полголовы вырос. Опять придется тебе новый костюм покупать.

В следующие полчаса мы снова примеряли костюм старшего брата, на этот раз оказавшийся мне впору.

Кати дома еще не было, сегодня у нее первый учебный день в девятом классе, так, что она где-то болталась с подружками. А Костя, как всегда уехал в очередную командировку куда-то на Белом море.

После примерки, мы уселись пить чай, за которым я вкратце, особо не вдаваясь в подробности, рассказал о своем отдыхе.

Ближе к вечеру домой, наконец, явилась Катерина. Увидев меня особой радости, не высказала.

Еще бы! Помнит, как я её муштровал, когда мы жили вдвоем. Подъем в семь часов, зарядка, водные процедуры, Готовка, уборка, все лежало на плечах рыжей оторвы. Недаром убежала из квартиры, как подстреленная, когда папа разрешил.

Тем не менее, чайку с нами выпить она не отказалась, и сразу начала рассказывать о том, как провела день.

Так, как мы с мамой знать не знали её одноклассников, то и слушать о них было не особо интересно, но слушать все же пришлось.

Когда она все же ушла к себе, мама, наконец, спросила:

— Ты, девку то, когда под венец поведешь?

– Какую девку? – удивился я.

– Дурака то из себя не строй, ту, с которой на юг ездил.

Я усмехнулся.

– Мама, окстись, я Валеркой ездил, причем тут девушки?

Мама усмехнулась.

– Витька, ты всерьез думаешь, что две недели провел в пионерском лагере, в котором все работники были из Петро-
заводска и мне никто ничего не расскажет. Да я на следующ-
ий день, после их приезда все о твоих похождениях узнала.
Проститут ты эдакий!

– А чего сразу проститут? – обиделся я.

– А того, что девке голову морочишь, ей замуж пора, а ты
в сторону уйти норовишь.

– Мама, а ничего что мне семнадцатый год пошел всего?
Как бы рановато жениться.

Валентина Викторовна сокрушенно махнула рукой.

– Ох, Витька, ты за последние полтора года так вырос, я
даже иногда забываю, что по возрасту ты еще мальчишка.
Конечно, рано. Но что же делать? Ты ведь на виду у всех
с ней шашни крутил. Девочке то, как теперь жить?

Я вздохнул.

– Мама, ты извини, конечно, но в этом деле мы разберемся
без твоих советов.

От удивления мама даже открыла рот.

– Ты как, недоросль, с матерью разговариваешь!? – вос-
кликнула она.

Я ответил в соответствующем тоне.

В общем, мы с мамой впервые за мое пребывание в новой жизни здорово поругались. Так и не помирившись, я ушел в свою холостяцкую берлогу. Иного названия квартира пока не заслуживала.

По дороге домой я в уме все пытался проговаривать свои аргументы против женитьбы, так завела меня сегодня мама своими нравоучениями. Однако моросящий дождь понемногу меня успокоил и домой я зашел в нормальном настроении. Впереди маячили два дня выходных. Народ еще не вполне привык к пятидневке и воспринимал её с восторгом.

А я не знал, чем собственно заняться в эти дни, за время поездки с юга, как-то не озадачился этим вопросом, поэтому бы совсем не огорчился, если завтра был рабочий день.

Но чего нет, того нет. Поужинав котлетами из кулинарии, я улегся на диван, и в который раз начал размышлять над своей непутёвой жизнью.

Вроде бы все у меня было нормально, есть жилье, есть вполне приличная сумма денег. Живи и радуйся. Вместо этого влипаю во всякие проблемы. С той же Наташкой, к примеру. Хоть она и говорила, что со своими делами разберется сама, верилось в это с трудом. Вот придет завтра с вещами ко мне, что я буду делать?

То, что Коган сегодня явно начал дистанцироваться, несколько не удивляло. В принципе, так должно было и быть.

Не продолжит же он со мной держаться запанибрата, Он намерен держать молодого и глупого подчиненного под контролем, и платить ему мизер за усиленные препараты.

Я даже усмехнулся, представив его озадаченное лицо, когда он услышит, как его новый фармацевт оценивает свою работу.

С другой стороны, особо наглеть я не собираюсь. Ведь основные риски по продаже и распространению лекарств лягут именно на Соломона Израилевича. И клиентура у него будет совсем не та, что приходила к бабе Груне. Так, что посмотрю, что он предложит, от этого и буду плясать.

Кстати. Валерка в поезде не преминул вспомнить драку на свадьбе и посетовал, что я там выглядел бледновато, и если б не он, то посрамили мы карелов по самое не хочу.

– *Может, спортом, каким заняться, пока возраст позволяет?* – подумал я.

В прошлом году было не до спорта. После выписки из больницы, я отнюдь, не чувствовал себя здоровым. И полностью восстановился, пожалуй, только к Новому году.

Но сейчас, организм точно нуждался в дополнительной нагрузке. Осталось только выбрать, чем заниматься.

Как ни удивительно, но вечером ко мне никто не заявился, хотя я внутренне ожидал каких-нибудь неприятных сюрпризов.

Утром, проснулся в семь часов, как по заказу. Хотя специально это время не заказывал.

В трусах прошел на кухню и начал жарить яичницу. После суеты последних дней, было спокойно и комфортно завтракать в одиночестве.

Вчера забрал из почтового ящика кипу газет, скопившихся за две недели, но только сейчас за утренним чаем удосужился прочитать самые свежие. Ничего интересного в них, конечно, не было. Борьба за урожай, перевыполнение планов, происки империалистов и прочая лабуда. Ознакомившись с местными новостями, снова лег в кровать, надеясь еще немного подремать. Тем более на улице снова моросил мелкий дождик. Но сон, как назло не шел. И я понимал почему. Моему подсознательному я очень хотелось позвонить Смолянской.

И как сознание с ним не боролось, подсознание победило. Найдя несколько двухкопеечных монет, я отправился к ближайшему автомату. На мое счастье трубку у него местная шпана еще не успела оторвать, поэтому к следующей телефонной будке можно было не спешить.

Время близилось к десяти часам, и я надеялся, что мой звонок никого уже не разбудит, а если повезет, то Наташа сама возьмет трубку.

Не повезло, трубку взяла её мама.

Представившись коллегой по комсомольской работе, попросил позвать Наташу к телефону.

– Наташа, подойди, тебя спрашивают, – крикнула мама и положила трубку. Думая, что ее не слышно, добавила.

– Боже мой! Наташа, нет тебе покоя ни днем не ночью, похоже, опять очередной кавалер названивает. Как в июле-августе было хорошо, никаких звонков.

– Ладно, мам, не ворчи, – услышал я голос девушки.

– Слушаю, – громко произнесла она в трубку.

– Наташа, привет, рад тебя слышать, – ответил я.

Трубка замолкла. И пришла к жизни секунд через пятнадцать.

– Витя, доброе утро, как дела? Когда вернулся?

– Да вроде бы ничего. Вот, вчера приехал. Сразу позвонить не получилось, поэтому звоню сегодня.

В трубке опять повисло молчание.

– Может быть, встретимся сегодня, в кино сходим? – первым нарушил я тишину.

– Прости, Вить, сегодня никак не получится, – сожаления в Наташином голосе не было слышно ни на грамм. – У меня такая запарка с делами, кучу документов домой принесла, сейчас сию, разбираюсь.

– Ну, что же, понятно, извини, что потревожил, перезвоню как-нибудь на днях, пока.

– Хорошо, Виктор, до свидания, – холодно прозвучал голос Наташи, и трубка запиликала короткими гудками.

Повесив трубку, я невесело хохотнул и вышел под морозящий дождик. Настроение было под стать погоде.

– *А если бы мне шел действительно семнадцатый год, –* подумал я. – *Наверно, целая трагедия в душе разыгралась.*

Ладно, на нет и суда нет. Позвонить что ли Светлову, уточнить, как дела с мебелью, да посоветоваться, нет ли у него на примете хорошего маляра-штукатура, пора квартиру в божеский вид привести.

Я повернулся и снова зашел в телефонную будку. На моё счастье Григорий Иванович был дома и так обрадовался моему звонку, что сразу пригласил в гости. Отказываться я не стал. Забежал домой, переоделся, и направился на автобусную остановку, выбросив из головы непонятные финты Смолянской.

Когда нажал кнопку звонка в квартиру Светловых, дверь открылась практически сразу, как будто специально хозяева караулили мой приход.

Григорий Иванович, похоже, уже слегка остограбившийся, был бодр и весел. Сам повесил мой болоньевый плащ на вешалку и подал мягкие тапки с помпонами.

– Проходи, Витек, не стесняйся, будь как дома, – говорил он мне, провожая в комнату.

К моему удивлению за накрытым столом уже хлопотала его жена, Варвара Михайловна. До этого дня я знал её только по рассказам Светлова. Невысокая, полная женщина ближе к пятидесяти годам, доброжелательно мне улыбнулась.

– Так вот ты какой, Витя Гребнев, – сказала она. – Одно время Григорий Иванович мне все уши прожужжал, рассказывая о тебе. Проходи, присаживайся, сейчас будем обедать. Мы всегда в двенадцать часов садимся.

– Отказываться я не стал, спросив разрешения, сполоснул руки в ванной и уселся за стол.

Обед у Варвары Михайловны был неплох. Рассольник на первое гуляш с пюре на второе и на третье компот.

За столом, между делом, женщина ловко выпросила у меня, чем я сейчас занимаюсь, какие планы на будущее, получив нужные сведения, она уступила очередь мужу, видимо, ей было необходимо время для продумывания следующих вопросов.

Григорий Иванович, получив возможность говорить, сразу поинтересовался, как и когда будем перевозить мебель.

– Пока не знаю, надо бы вначале хотя бы косметический ремонт провести, Стены заново оштукатурить и поклеить обои. Полы перебрать, скрипят немилосердно, между досками щели по два сантиметра, кстати, у вас знакомого человека нет для такой работы.

– Отчего же, – рассудительно ответил Светлов. – Найдем, если нужно.

– Гриша, только Спиридонычу не звони, – вмешалась Варвара Михайловна. – Он сразу аванс потребует, а потом его полгода ловить придется.

В общем, обо всем в итоге мы договорились. Валентина Михайловна не удержалась от похвал в мой адрес, в том плане, что я, несмотря на возраст, вполне справляюсь с самостоятельной жизнью.

Пробыл я у гостеприимных хозяев часа два, после че-

го отправился в универмаг «Мелодия» покупать телевизор. Все равно скрывать наследство бабушки Груни смысла уже не было. Вскоре вся родня будет любоваться новым гарнитуром, декорированным шпоном из карельской березы. И первым вопросом, конечно, будет – откуда деньги, Зин?

Выбор телевизоров был невелик. Поэтому я сразу определился с покупкой. Новинка этого года телевизор Рекорд 67 стоил двести пятнадцать рублей. Приличная сумма по нынешним временам.

Именно поэтому продавщицы отдела с некоторым недоумением следили за мной. Видимо, пытались понять, как родители доверили такую важную покупку молодому парню. Перевязанную прочной бечевкой коробку я кое-как дотащил до автобусной остановки, и хотя шел всего метров двести, успел вспотеть. А вроде и весил телевизор всего двадцать с чем-то килограмм. Но коробка была до ужаса неудобной.

Дома распаковка телевизора шла полным ходом, когда в дверь кто-то постучал.

Чертыхнувшись, и в который раз подумав, что пора купить звонок, я побрел к дверям. Привычки спрашивать, кто там, у меня так и не появилось, поэтому открыл дверь молча и замер от удивления.

Передо мной стояла Ленка Иванова, испуганно глядя на меня карими глазищами. Дождь на улице, видимо стал еще сильнее, потому, что её косынка и плащ промокли насквозь.

– Витя, мне надо с тобой серьезно поговорить, – сообщила девушка, не ожидая вопросов.

Вместо ответа, я отодвинулся в сторону, дав ей возможность пройти в прихожую.

– Во-первых, Леночка, здравствуй, а во-вторых, как ты меня нашла, – спросил я, помогая ей снять плащ, с которого уже накапала целая лужа.

– Легко, еще в лагере спросила у Валеры твой адрес, – пояснила та.

– Понятно, ну, тогда пойдем, поговорим.

Усадив нежданную гостью за стол, я поставил чайник, засыпал зёрна кофе в ручную мельницу и, усевшись напротив девушки, начал неторопливо крутить ручку.

– Ну, рассказывай, что такое случилось, что ты под дождем ко мне примчалась?

Девушка вздохнула, как бы собираясь с духом, и выпалила:

– Витя, ты не должен встречаться с Наташкой Смолянской.

– И почему же?

– Потому, что она тебя не достойна.

– Лена, почему ты так решила, по-моему, она хорошая девушка, возможно, я её недостойн.

Гостья вздохнула еще раз, не решаясь сразу сказать роковые слова, но все же высказала их.

– Витя, у Наташи до тебя был любовник, водитель нашего

автобуса, из-за него она не хотела, чтобы ты приезжал, но водитель срочно уехал домой, поэтому на твою телеграмму она ответила согласием.

И откуда сведения?

Лена снисходительно улыбнулась.

– В лагере все про всех всё знают. На кухне в последние дни только о вас и говорили. Женщины возмущались Наташиным поведением, плохими словами её называли.

Мы помолчали. Я достал кофейник, засыпал туда молотый кофе и залил его кипятком. Поставив на подставку, снова сел за стол и спросил:

– Лена, я благодарен за то, что ты мне рассказала правду, для меня это важно. Но позволь поинтересоваться, почему ты решила все это рассказать?

Девушка залилась румянцем.

– Я, я не знаю, наверно, мне это показалось правильным. Нельзя обманывать человека, который любит тебя. Я бы так никогда не поступила!

На глазах у неё появились слезинки.

– Ну, все Леночка, все, успокойся, я тебе верю, – сев рядом я погладил её по мокрым волосам. – Ого! Да ты промокла насквозь. Сейчас я тебе полотенце принесу.

Принеся из ванной комнаты чистое полотенце, я отдал его в руки гостыи, и та быстро соорудила на голове высокую чалму.

После того, как выложила мне все, что хотела, девушка

явно повеселела, особенно поняв, что я довольно спокойно отнесся к новостям и не собираюсь ругаться за то, что она влезла в не своё дело.

Достав купленные сегодня пряники, я разлил кофе по чашкам.

– Лена, пей кофе, пока горячее, продрогла, наверно, пока шла.

– Витя, кофе – мужского рода, надо говорить горячий.

– Как умею, так и говорю, – рассмеялся я, подумав про себя, раз девушка включила Гермиону, значит, пришла в себя полностью.

– Лена, все же я очень не понимаю такую поспешность, ты могла бы придти в другой день, не обязательно сегодня в такую погоду. Скажем так, новость ты принесла неприятную, но можно было так не торопиться. Тем более меня могло и не быть дома сегодня.

Щеки девушки порозовели.

– Просто, мне не терпелось все рассказать. Как я в лагере смолчала, не понимаю? Зато теперь ты все знаешь об этой гадине! – воскликнула она.

Я хмыкнул и никак не прокомментировал слова Лены, ожидая, что она скажет дальше. В принципе для меня все было понятно. Дочка учительницы литературы, воспитана на классиках девятнадцатого века, Тургенев, Толстой и прочие. Романтическая натура увидевшая правду жизни. И к тому же влюбившаяся в меня по уши. И чем я ей так пришелся

по душе, непонятно?

Ленка покраснела еще больше и спросила:

– Витя, мама достала два билета в филармонию на Рихтера, мне бы хотелось пойти с тобой на его концерт, Святослав Теофилович будет исполнять отдельные прелюдии из «Хорошо темперированного клавира» Баха, представляешь! Он даст всего один концерт и уедет в Ленинград на гастроли.

Однако! Очень неожиданное предложение. Лена Иванова решительно пошла в наступление, предложив послушать классическую музыку. И что мне теперь делать?

Задумчиво кашлянув, я спросил:

– Лен, а этот концерт в какое время пройдет.

– В шесть часов начало, с антрактом, наверно до половины девятого, – отрапортовала девушка.

Мы допили кофе, Лена, между тем, явно не собиралась уходить. Наоборот, разговорилась и начала рассказывать о планах, продолжить учиться в педучилище, на музыкальном отделении и играть в ансамбле «Кантеле» в нашей филармонии.

При этих словах я внутренне поёжился. С классической и народной музыкой в прошлой жизни я не особо дружил, да и в этой не очень хотелось.

Но девочка так умоляюще смотрела на меня, что старый дурак в молодом теле не смог ей отказать и согласился на поход, на концерт Рихтера.

Кстати, к новостям, рассказанным Леной, я отнесся впол-

не спокойно, чего-то подобного я уже ожидал и её рассказ только подтвердил мои предположения.

Между тем, время подходило к четырем часам, поэтому пришлось предложить Лене перебазироваться в комнату на диван и развлекать меня болтовнёй, пока я продолжу устанавливать телевизор.

Девушка с любопытством оглядывала мое жилье, странное дело, когда я приходил сюда с Наташкой, обстановка меня нисколько не смущала, а сейчас чувствовал что-то вроде стыда, что за прошедшее время ничего в квартире не сделал.

Но когда Лена увидела распотрошенную коробку и новый телевизор, то окружающее её больше не интересовало. Первым делом она спросила, как я ухитрюсь после поездки на юг, еще что-то покупать. На что я, усмехнувшись, сообщил:

– Леночка, ты же еще не моя жена, чтобы интересоваться такими подробностями. Это очень интимная информация.

Сказал и сразу пожалел, потому, что смутил девушку напрочь.

Провозился с телевизором часа полтора, больше всего времени заняла настройка антенны. Вернее, не настройка, а поиск, куда поставить это двурогое чудище. Но, в конце концов, все получилось, и мы могли смотреть целых две программы союзного телевиденья с минимумом помех.

Кофе пришлось ставить еще раз. После чего я отправился провожать Ленку до дома. Эта, коза, сообщила маме, что

прогуляется до кафе-мороженого, потом зайдет в булочную и потом сразу домой, а вместо этого помчалась ко мне учиться справедливость. Так, что придется теперь идти вместе с ней к Софье Ароновне и принимать вину на себя. Ведь женщина, наверно, уже собирается в милицию звонить в поисках пропавшей дочери.

Словами не передать взгляд, кинутый на меня Софьей Ароновной, когда она открыла дверь и увидела дочку в компании знакомого по летнему лагерю парня.

Я вежливо поздоровался, а Ленка с порога заюлила, и начала сбивчиво объяснять, почему так задержалась, мол, в кафе случайно встретила Витю, и потом зашла к нему в гости посмотреть, как он живет.

– Мама внимательно слушала объяснения, явно не поверив им ни на грош, а в конце только спросила:

– Леночка, но ведь позвонить то можно было? Я уже два часа, как на иголках сижу. Ты ушла и пропала с концами.

Интермедия

После того, как Виктор Гребнев поспешно удалился, оставив недопитой чашку чая, Софья Ароновна посмотрела на дочь и коротко приказала:

– А теперь рассказывай, правду, что все это значит?

Дочь ответила не менее твердым взглядом и ответила:

– Мама, я люблю Витю и сделаю все, чтобы он стал моим

мужем.

Мать скорчила болезненную гримасу.

– Ох, Лена, что-то сердечко прихватило. Подай, пожалуйста, корвалол и стопку.

Однако, отработанный временем прием не сработал.

Дочь молча принесла флакончик, накапала двадцать капель в стопку и подала матери.

– Пей, симулянтка, скоро станет легче, – прокомментировала она свои действия.

После корвалола мама забыла про сердечный приступ и продолжила нравоучения.

– Лена, я все понимаю, симпатичный мальчик, воспитанный, самостоятельный, но он даже младше тебя, да и тебе только в следующем году будет восемнадцать лет. О каком замужестве может, идти речь? На какие шиши ты собираешься содержать семью. Вы оба еще учитесь.

Ох! О чем я вообще говорю?! Лена, а ты его то спросила? Он согласен взять тебя в жены? Мне кажется, у него и близко нет таких мыслей. Да ты сама подумай, он же встречается с этой Натальей Смолянской. Зачем ты ему нужна?

Девушка победно улыбнулась.

– Витя больше с ней встречаться не будет, я ему все рассказала о недостойном поведении его подруги.

Мать, широко раскрыв глаза, уставилась на дочь.

– Лена, ты с ума сошла! Разве так можно так поступать? Мальчику всего шестнадцать лет, вдруг он, что-нибудь с со-

бой сделает от таких новостей?

Дочь пренебрежительно махнула рукой.

– Ничего он сделает, он её не любит, я это сразу поняла, когда начала рассказывать всю эту историю. И вообще, мама, мы завтра с ним идем на концерт Рихтера, поэтому мне надо приготовить платье, помнишь, то с шифоном и, пожалуйста, подшей поролон в белый кружевной бюстгальтер, чтобы лиф у платья хорошо сидел, у меня так аккуратно не получится.

– Леночка, ты же просила второй билет для Марины?

– Мама, на этот раз Марина обойдется. Как ты не понимаешь? Мне очень важно пойти на концерт именно с Витей.

Мать тяжело вздохнула.

– Ох, Лена, не выдержит мое сердце когда-нибудь твоих новостей. Надеюсь, после концерта вы с Витей не отправитесь снова к нему в гости?

– Мама, я уже взрослая. Не надо мне ставить условий и контролировать. Захочу и пойду, ничего ты со мной не сделаешь.

– Тогда сама и пришивай поролон к бюстгальтеру, раз такая самостоятельная.

Гордая и неподкупная девушка тут же превратилась в лису.

– Ну, мамочка, пожалуйста, ты же знаешь, у меня так не получится, ты же такая хорошая, добрая, – обнимая мать, начала шептать она.

– Ой, ладно, настырная ты моя, пришью, так и быть. Кста-

ти, я тебя за фортепьяно сегодня еще не видела. Садись заниматься. — снова тяжело вздохнула Софья Ароновна, в мыслях вспоминая покойного мужа. Такой же был Иванов, пронырливый стервец.

Возвращаясь, я обнаружил, что погода начала налаживаться. Дождь моросить перестал, в тучах появились просветы, да и ветер слегка потеплел.

— *Это радует*, — подумал я. — *Завтра с утра можно съездить за грибами. Хоть время не зря потрачу.*

Вечером я в кои веки не слушал унылую музыку из радиоточки, а включил новый телевизор и смотрел вечернюю программу.

Смолянской звонить больше не тянуло. Лена Иванова на сто процентов выполнила свою задачу.

Утро, как и предполагал, было солнечным и теплым, собственно, как и положено в первых числах сентября.

Поэтому, с чистой совестью я отправился в лес по грибы. Во второй половине дня, уставший, как собака вернулся с полной корзиной. Пообедав, еще час чистил грибы, выкинув, как обычно, почти четверть принесенного добра в помойное ведро. Зато на кухне свободное пространство было занято протянутыми нитками с сушившимися на них грибами.

Когда закончил с этим делом, время подходило собираться на концерт.

– Повезло, Вовкин костюм забрал во время, – думал я, пытаясь разглядеть себя в зеркале. Несмотря на мутное стекло и небольшой размер в зеркале можно было понять, что вид у меня соответствует сегодняшнему концерту.

Подтянув узел галстука, и смахнув бархоткой, пыль с полуботинок, я был готов к походу.

Оказывается, у нас в городе хватало любителей классической музыки. По крайней мере, у меня раза три спросили лишний билетик, пока я дожидался Лену у входа в филармонию. Долго ждать не пришлось. Я издали заметил её тоненькую фигурку, спешащую на встречу.

– А вот и я, – чуть запыхавшись, – сообщила она. – Долго ждешь?

Сегодня я первый раз увидел девушку в макияже. Все-таки краска и тени на лице здорово взрослят. Лена выглядела старше и красивее.

Мы прошли контролера у входных дверей и направились к гардеробу.

Мда, Иванова обстоятельно подошла к процессу моего охмурения. Собственно, на юге я обычно её наблюдал либо в купальнике, либо в простеньком сарафане. Но сейчас на ней было красивое платье из панбархата, отделанное шифоном. И если меня не обманывали глаза, у девушки появилась грудь, хотя еще вчера её и близко не наблюдалось.

Глядя на красивую спутницу, я впервые понял, что сейчас рядом со мной не мелкая девчонка, а вполне сформировав-

шаяся девушка, с которой не стыдно выйти на публике.

Ну, что могу сказать о музыке Рихтера, её было много, для меня особенно. Первые минут двадцать я искренне пытался проникнуться сочинениями Баха, но этого не случилось и я начал медленно уплывать в никуда. Поэтому вскоре в мой бок врезался острый локоток соседки.

– Витя, не спи, пожалуйста, – шепнула Лена. – Ты очень сопишь.

Кивнув, я попытался прийти к жизни, но звуки, издаваемые роялем, обладали просто магнетическим свойством усыпления. Так, что до антракта я засыпал еще пару раз.

Зато в антракте стало ясно, для чего люди ходят на такие концерты. В зале и буфете, казалось, собрался весь бомонд города. Все общались друг с другом и заодно решали какие-то проблемы.

Первым я заметил директора медучилища с женой, с которым вежливо поздоровался. Затем увидел директора своей школы, которой тоже не преминул сказать, здравствуйте. Та автоматом ответила на приветствие, естественно, поняв, что поздоровался, всего лишь один из многих её учеников, но кто конкретно, неизвестно.

Своего начальника, Соломона Израилевича, я увидел в буфете, тот сидел с неизвестным мне человеком и что-то горячо ему втолковывал. Увидев меня с девушкой, он откровенно удивился, кивнул в ответ на мое приветствие и продолжил разговор с незнакомцем.

Но самая интересная встреча произошла в буфете, когда мы стояли в небольшой очереди. Неожиданно в буфет зашла знакомая пара: Наташа Смолянская с Васиным. Если бы не Ленка, Наташа, скорее всего, сделала вид, что мы незнакомы. Но, не тут то было.

– Ой! Наташа! Привет! Не знала, что ты любишь фортепьянную классику! – радостно воскликнула моя спутница. – А вот мы с Витей тоже решили послушать Рихтера.

Вроде бы ничего особенного Лена не произнесла. Но сколько было яда в этих словах, не передать. Вот, как женщины это делают? Всегда удивлялся. Наверно, в крови, по наследству передается.

Однако Наташу так просто не вывести из равновесия. Она немного свысока глянула на нас, поздоровалась и затем познакомила со своим кавалером, объяснив тому, что мы вместе были этим летом на Азовском море.

Васин мной не заинтересовался, зато Лену оглядел с головы до ног. В принципе, понятная реакция нормального мужика на молоденькую девушку, не меня же ему разглядывать.

– Витя, я тебе поражаюсь, – шептала Лена мне в ухо, пока мы пробирались к своим местам. – Как ты можешь быть таким спокойным? Неужели у тебя ничего не дрогнуло, когда ты разговаривал с этой мымрой. Она, не успела приехать с юга, а уже поменяла любовника. Какой кошмар! Приду домой, обязательно маме расскажу, каких фельдшеров она

к себе в лагерь приглашает на лето.

Вторая часть концерта, наконец, подошла к концу, На этот раз я почти не спал, меня очень занимал вопрос, как Наташка объясняет свои художества Васину. Тот ведь далеко не дурак, в секретари райкомов и горкомов дураки-комсомольцы не попадают. Но, так и не пришел ни к какому выводу.

Лену после встречи со Смолянской было не узнать, она просто сияла от счастья. Сделал гадость – на сердце радость. И, наверно, поэтому трещала без умолку.

Пока мы дошли до её дома, пришлось выслушать всю короткую биографию студентки педучилища, узнать о её подругах и недругах.

В разговоре я нечаянно упомянул, что сегодня ходил в лес за грибами. И тут же пожалел об этом. Но было уже поздно. Пришлось обещать в следующие выходные взять девушку в лес.

Сдав её в заботливые мамины руки и отказавшись от вечернего чая, я отправился домой. По моим подсчетам завтра у нас с Коганом должна состояться беседа, в которой мы будем делить будущие доходы. Поэтому, следовало подумать и даже набросать тезисы своего монолога.

Понедельник день тяжелый, наверно поэтому, в ожидании беседы с Коганом настроение у меня было ни к чёрту.

После легкой разминки и кофе в голове несколько прояснело, и я отправился на работу. Утро стояло классное, бабье

лето в полном разгаре, так, что черные мысли меня временно покинули.

Трудовой день начался практически так же, как в пятницу, я опять работал в ассистентской, в кампании уже знакомых дам, занимаясь навеской порошков.

Однако спустя какое-то время в лабораторию заглянула Анна Тимофеевна и сообщила, что меня срочно хочет видеть Соломон Израилевич.

– Началось, – подумал я и, оторвав свой зад от крутящейся табуретки, направился в кабинет заведующего.

– Ага, Виктор, добрый день, наконец-то, ты появился. Проходи, садись поближе ко мне, – приветствовал он меня.

Сам он сидел в своем кожаном кресле, опираясь руками на свою клюшку и, прищурившись, глядел на меня.

– Здравствуйте, Соломон Израилевич, – поздоровался я в свою очередь с начальством. – Что-то случилось?

– Ничего не случилось, но нам, Витя, надо серьезно поговорить. Ты взрослый парень и с тобой можно говорить прямо, без экивоков.

Сейчас мы знаем, что твой организм способен усиливать действие лекарственных препаратов. Возможно, у тебя есть еще способности, просто ты о них не догадываешься. К сожалению, мы вряд ли сможем понять механизм такого воздействия. Но нам это особо и не нужно.

Я вот что хочу сказать, эти способности с одной стороны могут принести приличную выгоду, но с другой стороны, они

для тебя – беда. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю, конечно, – буркнул я. – Запрут в какой-нибудь НИИ под замок и, буду там годами сидеть.

– Вот-вот, правильно понимаешь ситуацию, – согласился Соломон Израилевич. – Такой исход вполне вероятен. Но нам с тобой он совершенно не нужен. Поэтому предлагаю тебе такой вариант сотрудничества...

Следующие два часа мы с Коганом ожесточенно торговались. Но все-таки, в конце концов, пришли к соглашению.

Вспотевший провизор сейчас с уважением смотрел на меня. За время торга я поднял цену с предложенных мне стабильных ста рублей в месяц до тридцати процентов от проданных лекарств. Только, кто мне сообщит истинную цифру продаж, вот в чём вопрос?

– Виктор, если бы не знал в точности твою биографию, подумал бы что ты из наших, – сообщил Коган. – Кстати, был удивлен, заметив тебя на концерте Рихтера, никогда бы не подумал, что ты поклонник классической музыки. А твою девочку я где-то уже видел, но не могу припомнить.

Объяснять Когану, кто такая Лена Иванова, я не стал, притворился, что не понял его намека.

Закончив дележку будущих доходов, Соломон Израилевич повел меня знакомиться с новым рабочим местом. Небольшая комнатуха до этого служила, наверно, архивом, потому, что запах в ней стоял типичный для старых бумаг. Но сейчас бумаг на полках уже не было. На освободившем-

ся пятакче стоял обшарпанный лабораторный стол и рядом с ним высокий несгораемый сейф.

– Понятно, что твои возможности далеко не безграничны, да и нет смысла для нас делать много лекарств, – повторю начал пояснять провизор свои мысли. – Работать будем только по заказам, так, что каждый день тебе здесь сидеть не придется.

– А как я буду объяснять коллегам, зачем торчу в этой кладовке? – спросил я.

Коган снисходительно улыбнулся.

– Ты, оказывается, не очень внимателен юный друг. Посмотри, что написано на двери.

Выглянув в пустынный коридор, я обнаружил, что на двери имеется скромная надпись «Учебная комната».

– Виктор Гребнев у нас один такой, студент-вечерник, вот мы тебе и организовали место для учебы, – пояснил Соломон Израилевич. – Можешь сюда принести свои учебники, конспекты и готовиться к занятиям. Не в ассистентской же тебе это делать.

– Стоила ли овчинка выделки? – тихо пробормотал я. Но собеседник услышал.

– Стоила, стоила, не сомневайся, – засмеялся он. – Сам понимаешь, через твои руки будут проходить только экстемпоральные препараты. Не будем же мы по завышенным ценам продавать фабричные таблетки, или ампулы. Так, что лекарства будут изготавливаться, как говориться, *lege artis*, про-

ходить провизора – аналитика и только затем попадать в твои руки.

Мне, честно говоря, было все равно, как начальник обеспечит конфиденциальность наших отношений, в принципе, это больше его проблема, чем моя.

Гораздо больше волновало то, что я никак не смогу проверить, сколько на самом деле получит Соломон Израилевич. А верить его словам никакого резона не имелось.

Успокаивал себя тем, что всегда могу прекратить наши отношения, если получаемая сумма меня не будет устраивать.

С другой стороны, для чего мне сейчас большие деньги? Все равно, тратить их, открыто я не могу, да их, собственно, не на что тратить. И в сберкассу не отнесешь.

Когда я высказал свои сомнения собеседнику, тот удивленно поднял брови.

– Послушай, а я ведь пропустил этот момент в своих размышлениях. Видишь ли, у меня такой вопрос, куда тратить деньги на повестке дня не стоит. Их вечно не хватает, сколько бы не приносил.

А для тебя, молодого, неженатого, это действительно может стать проблемой. Надо подумать над этим вопросом. Хотя, в ближайшие пару месяцев вряд ли мы будем прилично зарабатывать. Сначала работаешь на репутацию, а уже потом репутация работает на тебя. А там уже будешь думать, куда тратить свои нетрудовые доходы.

Мысленно я согласился с выводами начальника. Действительно, чего я тороплюсь жить. Когда появятся деньги, тогда и подумаю, чего с ними делать.

К тому же, в нашей стране даже имея деньги, нелегко купить, то, что хочется. Дефицит, понимаешь.

На следующий день Соломон Израилевич озадачил нас рецептом с длинным перечнем составляющих, одним из которых являлся мышьяк.

Анна Тимофеевна, прочитав рецепт, немедленно убежала к начальнику выяснять, для кого он предназначен. Несколько минутами позже она вернулась и со смущенным лицом начала готовить свои бюретки и пробирки для анализа будущего лекарства.

Фармацевты, сидящие за длинным столом, в том числе и я, внимательно наблюдали за её действиями, ожидая, что она расскажет, чем закончился её разговор с Коганом. Однако дождались от неё только замечания.

– Что вы все на меня смотрите, работайте товарищи. Ирина Дмитриевна, а вас попрошу взять на себя изготовление вот этого лекарства.

С этими словами она передала одной из фармацевтов нужный рецепт.

Мне же сегодня доверили титровать лекарственный раствор для глазных капель, чем я и занялся после небольшого, предварительного инструктажа.

После обеда, оставалось еще немного свободного времени, и я уселся почитать учебник в своем закутке. Почти сразу ко мне зашел Соломон Израилевич и положил на стол бумажный кулек, полный пакетиков порошков, из-за которых с утра у нас возник сыр-бор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.